

Стихотворения

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

ХОЛМЫ

...Men must endure
Their going hence, even as their coming hither:
Ripeness is all.

King Lear, Act V, Scene 2

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

1962

БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ ДЖОНУ ДОННУ

Джон Донн уснул, уснуло всё вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
среди бумаг, в столе, в готовой речи,
в ее словах, в дровах, в щипцах, в угле

остывшего камина, в каждой вещи.
В камзоле, в башмаках, в чулках, в тенях
за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
опять в тазу, в распяты, в простынях,
в метле у входа, в туфлях. Все уснуло.
Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.
Уснули арки, стены, окна, всё.
Бульжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшенья, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крюк,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.
Уснули тюрьмы, замки. Спят весы
среди рыбной лавки. Спят свиные туши.
Дома, задворки. Спят цепные псы.
В подвалах кошки спят, торчат их уши.
Спят мыши, люди. Лондон крепко спит.
Спит парусник в порту. Вода со снегом
под кузовом его во сне сипит,
сливаясь вдалеке с уснувшим небом.
Джон Донн уснул. И море вместе с ним.
И берег меловой уснул над морем.
Весь остров спит, объятый сном одним.
И каждый сад закрыт тройным запором.
Спят клены, сосны, грабы, пихты, ель.
Спят склоны гор, ручьи на склонах, тропы.
Лисицы, волк. Залез медведь в постель.
Наносит снег у входов нор сугробы.
И птицы спят. Не слышно пенья их.
Вороний крик не слышен, ночь, совиный
не слышен смех. Простор английский тих.
Звезда сверкает. Мышь идет с повинной.
Уснуло все. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубах.
Поодиночке. Крепко. Спят в объятых.
Уснуло все. Спят реки, горы, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.

Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головою.
Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми — к их стыду святому.
Геенна спит, и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.
Господь уснул. Земля сейчас чужда.
Глаза не видят, слух не внемлет боле.
И дьявол спит. И вместе с ним вражда
заснула на снегу в английском поле.
Спят всадники. Архангел спит с трубой.
И кони спят, во сне качаясь плавно.
И херувимы все — одной толпой,
обнявшись, спят под сводом церкви Павла.
Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься.
Но каждый так далек от райских врат,
так беден, пуст, так чист, что в них — единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летейских вод.
И крепко спит за ним другое — слава.
Спят беды все. Странанья крепко спят.
Пороки спят. Добро со злом обнялось.
Пророки спят. Белесый снегопад
в пространстве ищет черных пятен малость.
Уснуло все. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.
Все крепко спят: святые, дьявол, Бог.
Их слуги злые. Их друзья. Их дети.
И только снег шуршит во тьме дорог.
И больше звуков нет на целом свете.

Но, чу! Ты слышишь — там, в холодной тьме,
там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе.
Там кто-то предоставлен всей зиме.
И плачет он. Там кто-то есть во мраке.

Так тонок голос! Тонок, впрямь игла.
А нити нет... И так он одиноко
плывет в снегу. Повсюду холод, мгла...
Сшивая ночь с рассветом... Так высоко!
«Кто ж там рыдает? Ты ли, ангел мой,
возврата ждешь, под снегом ждешь, как лета,
любви моей? Во тьме идешь домой.
Не ты ль кричишь во мраке?» — Нет ответа.
«Не вы ль там, херувимы? Грустный хор
напомнило мне этих слез звучанье.
Не вы ль решились спящий мой собор
покинуть вдруг. Не вы ль? Не вы ль?» — Молчанье.
«Не ты ли, Павел? Правда, голос твой
уж слишком огрублен суровой речью.
Не ты ль поник во тьме седой главой
и плачешь там?» — Но тишь летит навстречу.
«Не та ль во тьме прикрыла взор рука,
которая повсюду здесь маячит?
Не ты ль, Господь? Пусть мысль моя дика,
но слишком уж высокий голос плачет».
Молчанье. Тишь. — «Не ты ли, Гавриил,
подул в трубу, а кто-то громко лает?
Но что ж, лишь я один глаза открыл,
а всадники своих коней седлают.
Все крепко спит. В объятых крепкой тьмы.
А гончие уж мчат с небес толпою.
Не ты ли, Гавриил, среди зимы
рыдаешь тут, один, впотьмах, с грубою?»

«Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси
о том, что создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли.
Ты с этим грузом мог вершить полет
среди страстей, среди грехов и выше.
Ты птицей был и видел свой народ
повсюду, весь, взлетал над скатом крыши.
Ты видел все моря, весь дальний край.
И Ад ты зрел — в себе, а после — в яви.
Ты видел также явно светлый Рай
в печальнейшей — из всех страстей — оправе.
Ты видел: жизнь, она как остров твой.
И с Океаном этим ты встречался:

со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой.
Ты Бога облетел и вспять помчался.
Но этот груз тебя не пустит ввысь,
откуда этот мир — лишь сотня башен
да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд почти совсем не страшен.
И климат там недвижим, в той стране.
Оттуда всё как сон больной в истоме.
Господь оттуда — только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме.
Поля бывают. Их не пашет плуг.
Года не пашет. И века не пашет.
Одни леса стоят стеной вокруг,
и только дождь в траве огромной пляшет.
Тот первый дровосек, чей тощий конь
вбежит туда, плутая в страхе щелей,
на сосну взлезши, вдруг узрит огонь
в своей долине, там, вдали лежащей.
Всё, всё вдали. А здесь неясный край.
Спокойный взгляд скользит по дальним крышам.
Здесь так светло. Не слышен синий лай.
И колокольный звон совсем не слышен.
И он поймет, что всё — вдали. К лесам
он лошадь повернет движеньем резким.
И тотчас вожжи, сани, ночь, он сам
и бедный конь — все станет сном библейским.

Ну, вот я плачу, плачу, нет пути.
Вернуться суждено мне в эти камни.
Нельзя придти туда мне во плоти.
Лишь мертвой суждено взлететь туда мне.
Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
в сырой земле, забыв навек, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб шить своею плотью, шить разлуку.
Но, чу! пока я плачем твой ночлег
смущаю здесь, — летит во тьму, не тает,
разлуку нашу здесь сшивая, снег,
и взад-вперед игла, игла летает.
Не я рыдаю — плачешь ты, Джон Донн.
Лежишь один, и спишь в шкафах посуда,
покуда снег летит на спящий дом,
покуда снег летит во тьму оттуда».

Подобье птиц, он спит в своем гнезде,
свой чистый путь и жажду жизни лучшей
раз навсегда доверив той звезде,
которая сейчас сокрыта тучей.
Подобье птиц, душа его чиста;
а светский путь, хотя, должно быть, грешен,
естественней вороньего гнезда
над серою толпой пустых скворешен.
Подобье птиц, и он проснется днем.
Сейчас — лежит под покрывалом белым,
покуда сшито снегом, сшито сном
пространство меж душой и спящим телом.
Уснуло все. Но ждут еще конца
два-три стиха и скалят рот щербато,
что светская любовь — лишь долг певца,
духовная любовь лишь плоть аббата.
На чье бы колесо сих вод ни лить,
оно все тот же хлеб на свете мелет.
Ведь если можно с кем-то жизнь делить,
то кто же с нами нашу смерть разделит?
Дыра в сей ткани. Всяк, кто хочет, рвет.
Со всех концов. Уйдет. Вернется снова.
Еще рывок! И только небосвод
во мраке иногда берет иглу портного.
Спи, спи, Джон Донн. Усни, себя не мучь.
Кафтан дыряв, дыряв. Висит уныло.
Того гляди и выглянет из туч
Звезда, что столько лет твой мир хранила.

1963

* * *

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь?
Воротишься, купи себе на ужин

какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:
во всем твоя, одна твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.

1961

ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой Охтой сквозь тысячу арок.

Преодо мною река
распласталась под каменно-угольным дымом,
за спиною трамвай
прогремел на мосту невредимом,
и кирпичных оград
просветлела внезапно угрюмость.
Добрый день, вот мы встретились, бедная юность.

Джаз предместий приветствует нас,
слышишь трубы предместий,
золотой диксиленд
в черных кепках прекрасный, прелестный,
не душа и не плоть —
чья-то тень над родным патефоном,
словно платье твое вдруг подброшено вверх саксофоном.

В ярко-красном кашне
и в плаще в подворотнях, в парадных
ты стоишь на виду
на мосту возле лет безвозвратных,
прижимая к лицу
недопитый стакан лимонада,
и ревет позади дорогая труба комбината.

Добрый день. Ну и встреча у нас.
До чего ты бесплотна:
рядом новый закат
гонит вдаль огневые полотна.
До чего ты бедна. Столько лет,
а промчались напрасно.
Добрый день, моя юность. Боже мой, до чего ты прекрасна.

По замерзшим холмам
молчаливо несутся борзые,
среди красных болот
возникают гудки поездные,
на пустое шоссе,
пропадая в дыму редколесья,
вылетают такси, и осины глядят в поднебесье.

Это наша зима.
Современный фонарь смотрит мертвенным оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон.
Возвышаю свой крик,
чтоб с домами ему не столкнуться:
это наша зима все не может обратно вернуться.

Не до смерти ли, нет,
мы ее не найдем, не находим.
От рожденья на свет
ежедневно куда-то уходим,
словно кто-то вдали
в новостройках прекрасно играет.
Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает.

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,

и, полны темноты,
и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

Как легко нам дышать,
оттого что подобно растению
в чьей-то жизни чужой
мы становимся светом и тенью
или больше того —
от того, что мы всё потеряем,
отбегая навек, мы становимся смертью и раем.

Вот я вновь прохожу
в том же светлом раю — с остановки налево,
предо мною бежит,
закрываясь ладонями, новая Ева,
ярко-красный Адам
вдалеке появляется в арках,
невский ветер звенит заунывно в развешанных арфах.

Как стремительна жизнь
в черно-белом раю новостроек.
Обвивается змей,
и безмолвствует небо героик,
ледяная гора
неподвижно блестит у фонтана,
вьется утренний снег, и машины летят неустанно.

Неужели не я,
освещенный тремя фонарями,
столько лет в темноте
по осколкам бежал пустырями,
и сиянье небес
у подъемного крана клубилось?
Неужели не я? Что-то здесь навсегда изменилось.

Кто-то новый царит,
безымянный, прекрасный, всеильный,
над отчизной горит,
разливается свет темно-синий,
и в глазах у борзых
мельтешат фонари — по цветочку,
кто-то вечно идет возле новых домов в одиночку.

Значит, нету разлук.
Значит, зря мы просили прощенья
у своих мертвецов.
Значит, нет для зимы возвращенья.
Остается одно:
по земле проходить бестревожно.
Невозможно отстать. Обгонять — только это возможно.

То, куда мы спешим,
этот ад или райское место,
или попросту мрак,
темнота, это все неизвестно,
дорогая страна,
постоянный предмет воспеванья,
не любовь ли она? Нет, она не имеет названья.

Это — вечная жизнь:
поразительный мост, неумолчное слово,
проплыванье баржи,
оживление любви, убиванье былого,
пароходов огни
и сиянье витрин, звон трамваев далеких,
плеск холодной воды возле брюк твоих вечношироких.

Поздравляю себя
с этой ранней находкой, с тобою,
поздравляю себя
с удивительно горькой судьбою,
с этой вечной рекой,
с этим небом в прекрасных осинах,
с описаньем утрат за безмолвной толпой магазинов.

Не жилец этих мест,
не мертвец, а какой-то посредник,
совершенно один
ты кричишь о себе напоследок:
никого не узнал,
обознался, забыл, обманулся,
слава Богу, зима. Значит, я никуда не вернулся.

Слава Богу, чужой.
Никого я здесь не обвиняю.
Ничего не узнать.
Я иду, тороплюсь, обгоняю.

Как легко мне теперь
оттого, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я на земле без отчизны остался.

Поздравляю себя!
Сколько лет проживу, ничего мне не надо.
Сколько лет проживу,
сколько дам за стакан лимонада.
Сколько раз я вернусь —
но уже не вернусь — словно дом запираю,
сколько дам я за грусть от кирпичной трубы и собачьего лая.

1962

* * *

Был черный небосвод светлей тех ног,
и слиться с темнотою он не мог.

В тот вечер возле нашего огня
увидели мы черного коня.

Не помню я чернее ничего.
Как уголь, были ноги у него.
Он черен был, как ночь, как пустота.
Он черен был от гривы до хвоста.
Но черной по-другому уж была
спина его, не знавшая седла.
Недвижно он стоял. Казалось, спит.
Пугала чернота его копыт.

Он черен был, не чувствовал теней.
Так черен, что не делался темней.
Так черен, как полуночная мгла.
Так черен, как внутри себя игла.
Так черен, как деревья впереди.
Как место между ребрами в груди.
Как ямка под землею, где зерно.
Я думаю: внутри у нас черно.

Но все-таки чернел он на глазах!
Была всего лишь полночь на часах.

Он к нам не приближался ни на шаг.
В паху его царил бездонный мрак.
Спина его была уж не видна.
Не оставалось светлого пятна.
Глаза его белели, как щелчок.
Еще страшнее был его зрачок.

Как будто он был чей-то негатив.
Зачем же он, свой бег остановив,
меж нами оставался до утра?
Зачем не отходил он от костра?
Зачем он черным воздухом дышал?
Зачем во тьме он сучьями шуршал?
Зачем струил он черный свет из глаз?

Он всадника искал себе среди нас.

28 июня 1962

* * *

Теперь все чаще чувствую усталость,
все реже говорю о ней теперь.
О, промыслов души моей кустарность,
веселая и теплая артель.

Каких ты птиц себе изобретаешь,
кому их даришь или продаешь,
и в современных гнездах обитаешь,
и современным голосом поешь?

Вернись, душа, и перышко мне вынь,
пускай о славе радио споем нам.
Скажи, душа, как выглядела жизнь,
как выглядела с птичьего полета?

Покуда снег, как из небытия,
кружит по незатейливым карнизам,
рисуй о смерти, улица моя,
а ты, о птица, вскрикивай о жизни.

Вот я иду, а где-то ты летишь,
уже не слыша сетований наших.

Вот я живу, а где-то ты кричишь
и крыльями взволнованными машешь.

11 декабря 1960

* * *

Все чуждо в доме новому жильцу.
Поспешный взгляд скользит по всем предметам,
чьи тени так пришельцу не к лицу,
что сами слишком мучаются этим.
Но дом не хочет больше пустовать.
И, как бы за нехваткой той отваги,
замок, не в состояньи узнавать,
один сопротивляется во мраке.
Да, сходства нет меж нынешним и тем,
кто внес сюда шкафы и стол и думал,
что больше не покинет этих стен,
но должен был уйти; ушел и умер.
Ничем уж их нельзя соединить:
чертой лица, характером, надломом.
Но между ними существует нить,
обычно именуемая домом.

Октябрь 1962

ХОЛМЫ

Вместе они любили
сидеть на склоне холма.
Оттуда видны им были
церковь, сады, тюрьма.
Оттуда они видали
заросший травой водоем.
Сбросив в песок сандалии,
сидели они вдвоем.

Руками обняв колени,
смотрели они в облака.
Внизу у кино калек
ждали грузовика.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ 5

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

ХОЛМЫ

Рождественский романс	7
Большая элегия Джону Донну	8
«Воротишься на родину. Ну что ж...»	13
От окраины к центру	14
«В тот вечер возле нашего огня...»	18
«Теперь все чаще чувствую усталость...»	19
«Все чуждо в доме новому жильцу...»	20
Холмы	20
«Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...» ..	25

Два сонета

1. «Великий Гектор стрелами убит...»	27
2. «Мы снова проживаем у залива...»	27
Исаак и Авраам	28
«Под вечер он видит, застывши в дверях...»	43
«Огонь, ты слышишь, начал угасать...»	45
Глаголы	46
Стихи под эпитафией	47
Песенка о Феде Добровольском	48
Проплывают облака	48
А. А. Ахматовой	49
Сонет («Прошел январь за окнами тюрьмы...»)	51

ФОНТАН

«Садовник в ватнике, как дрозд...»	51
Обоз	52
С грустью и с нежностью	53
В распутицу	53
К северному краю	55
«В деревне Бог живет не по углам...»	56

«Топилась печь. Огонь дрожал во тьме...»	56
Орфей и Артемида	57
1 января 1965 года	58
Вечером	58
Подсвечник	59

Из «Школьной антологии»

1. Э. Ларионова	60
2. Олег Поддобрый	61
3. Т. Зими́на	62
4. Ю. Сандул	63
5. А. Фролов	65
«Сумев отгородиться от людей...»	68
1 сентября 1939 года	68
Послание к стихам	69
Фонтан	70
Прачечный мост	71
Зимним вечером в Ялте	71

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Стихи на смерть Т. С. Элиота	72
Одной поэтессе	75
Два часа в резервуаре	77
Остановка в пустыне	81
Прощайте, мадмуазель Вероника	83

ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ	88
----------------------------	----

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

«Второе Рождество на берегу...»	125
Речь о пролитом молоке	126
Открытка из города К.	137
Памяти Т. Б.	137
Письмо генералу Z.	147
Посвящается Ялте	151
С видом на море	165
Конец прекрасной эпохи	168
Разговор с небожителем	170

С февраля по апрель

1. «Морозный вечер...»	176
2. «В пустом, закрытом на просушку парке...»	177
3. Шиповник в апреле	178
4. «В эту зиму с ума...»	179
5. Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко	179

Пень без музыки	180
Октябрьская песня	187
Post aetatem nostram	187
Чаепитие	196
Дебют	197
«Время года — зима. На границах спокойствие. Сны...»	198
Литовский дивертисмент	199
«Я всегда твердил, что судьба — игра...»	202
Натюрморт	203

ЧАСТЬ РЕЧИ

24 декабря 1971 года	208
Одному тирану	209
Похороны Бобо	210
Набросок	211
Письма римскому другу	212
Песня невинности, она же — опыта	214
1972 год	218
В озерном краю	221
«Осенний вечер в скромном городке...»	222
На смерть друга	223
Бабочка	224
Торс	229
Лагуна	230
На смерть Жукова	233
Темза в Челси	234

Мексиканский дивертисмент

Гуэрнавака	236
1867	238
Мерида	238
В отеле «Континенталь»	240
Мексиканский романсеро	240
К Евгению	243
Заметка для энциклопедии	244
«Классический балет есть замок красоты...»	245

Часть речи

«Север крошит металл, но щадит стекло...»	246
«Узнаю этот ветер, нелетающий на траву...»	247
«Это — ряд наблюдений. В углу — тепло...»	247
«Потому что каблук оставляет следы — зима...»	248
«Деревянный лаокоон, сбросив на время гору с...»	248
«Я родился и вырос в балтийских болотах, подле...»	248
«Что касается звезд, то они всегда...»	249

«В городке, из которого смерть расплзлась по школь- ной карте...»	249
«Около океана, при свете свечи; вокруг...»	249
«Тихотворение мое, мое немое...»	250
«Темно-синее утро в заиндевевшей раме...»	250
«С точки зрения воздуха, край земли...»	251
«Заморозки на почве и облысение леса...»	251
«Всегда остается возможность выйти из дому на...»	251
«Итак, пригревает. В памяти, как на меже...»	252
«Если что-нибудь петь, то перемену ветра...»	252
«...и при слове „грядущее“ из русского языка...»	252
«Я не то что схожу с ума, но устал за лето...»	253
Колыбельная Трескового Мыса	253
Декабрь во Флоренции	264

НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ

«Я обнял эти плечи и взглянул...»	267
Песенка	267
Ночной полет	268
«В твоих часах не только ход, но тишь...»	269
«Ты — ветер, дружок. Я — твой...»	270
«Что ветру говорят кусты...»	270
«Черные города...»	271
Загадка ангелу	272
«Ветер оставил лес...»	273
Ломтик медового месяца	274
<i>Из «Старых английских песен»</i>	
1. «Заспорят ночью мать с отцом...»	274
4. Зимняя свадьба	275
Песни счастливой зимы	276
«Ты выпорхнешь, малиновка, из трех...»	276
Песня («Пришел сон из семи сел...»)	277
«Как тюремный засов...»	278
«Деревья в моем окне, в деревянном окне...»	279
«Шум ливня воскрешает по углам...»	279
Развивая Крылова	280
Для школьного возраста	281
Зимняя почта	281
Псковский реестр	284
Гвоздика	286
«Дни бегут надо мной...»	287
«Тебе, когда мой голос отзвучит...»	288
«Твой локон не свивается в кольцо...»	288
Румянцевой победам	290

Содержание

«Осенью из гнезда...»	291
Новые стансы к Августе	292
Пророчество	296
«О, как мне мил кольцеобразный дым!...»	297
Einem alten Architekten in Rom	298
Письмо в бутылке	302
«Колокольчик звенит...»	309
Дидона и Эней	310
Сонет («Как жаль, что тем, чем стало для меня...»)	311
К Ликомеду, на Скирос	312
Почти элегия	313
Элегия («Подруга милая, кабак все тот же...»)	313
«Отказом от скорбного перечня — жест...»	314
Строфы («На прощанье — ни звука...»)	315
Anno Domini	318
Шесть лет спустя	320
«Раньше здесь щебетал щегол...»	321
Стихи в апреле	322
Любовь	323
Сретенье	324
Одиссей Телемаку	326
«Песчаные холмы, поросшие сосной»	327
«Помнишь свалку вещей на железном стуле...»	328
«Повернись ко мне в профиль. В профиль черты лица...»	328
Строфы («Наподобье стакана...»)	329
ДВАДЦАТЬ СОНЕТОВ К МАРИИ СТЮАРТ	336
«Ниоткуда с любовью, надчатого мартобря...»	345
«Ты забыла деревню, затерянную в болотах...»	345
«Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...»	346
Элегия («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...»)	346
Горение	347
Келломяки	349
«То не Муза воды набирает в рот...»	354
«Я был только тем, чего...»	355

УРАНИЯ

ОСЕННИЙ КРИК ЯСТРЕБА

«Как давно я топчу, видно по каблuku...»	356
Развивая Платона	356
Посвящается стулу	359
Шорох акации	362

«Восходящее желтое солнце следит косыми...»	362
Шведская музыка	363
Bagatelle	363
Полдень в комнате	365
Роттердамский дневник	371
Над Восточной рекой	372
Война в убежище Киприды	373
«Барбизон Террас»	373
«Те, кто не умирают, живут...»	374
Новый Жюль Верн	374
Осенний крик ястреба	380

К УРАНИИ

Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова	384
«Восславим приход весны! Ополоснем лицо...»	393
«Время подсчета цылят ястребом; скирд в тумане...»	394
«Я распугивал ящериц в зарослях чапарраля...»	394
Полярный исследователь	395
«Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою...»	395
Пятая годовщина (4 июня 1977)	395
<i>В Англии</i>	399
I. Брайтон-рок	399
II. Северный Кенсингтон	399
III. Сохо	400
IV. Ист Финчли	400
V. Три рыцаря	402
VI. Йорк	403
VII. «Английские каменные деревни...»	404
Сан-Пьетро	405
Квинтет	408
Письма династии Минь	411
Пьяцца Маттеи	412
Стихи о зимней кампании 1980-го года	417
Полонез: вариация	420
Венецианские строфы (1)	421
Венецианские строфы (2)	424
Резиденция	426
Ария	427
Римские элегии	428
Эклога 4-я (зимняя)	434
Эклога 5-я (летняя)	440
Прилив	447
Бюст Тиберия	449
В окрестностях Александрии	452

Сидя в тени	453
«Точка всегда обозримей в конце прямой...»	460
К Урании	460

ЖИЗНЬ В РАССЕЯННОМ СВЕТЕ

«Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...»	461
«Ночь, одержимая белизной...»	461
Муха	462
«Вечер. Развалины геометрии...»	470
На выставке Карла Виллинка	471
«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»	473
Жизнь в рассеянном свете	474
«Ты узнаешь меня по почерку. В нашем ревнивом царстве...»	475
«В этой комнате пахло тряпьем и сырой водой...»	476
В Италии	476
Стрельна	477
«Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...»	477
«Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке...»	478
На виа Джулиа	479
Послесловие	479
Элегия («Прошло что-то около года. Я вернулся на место битвы...»)	481
«Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга...»	481

ПЕЙЗАЖ С НАВОДНЕНИЕМ

ПРИМЕЧАНИЯ ПАПОРОТНИКА

Рождественская звезда	483
Новая жизнь	483
«Кончится лето. Начнется сентябрь. Разрешат отстрел...»	485
Примечанье к прогнозам погоды	486
«В этой маленькой комнате всё по-старому...»	488
Назидание	489
Испанская танцовщица	492
Из Парменида	494
«Только пепел знает, что значит сгореть дотла...»	495
Реки	495
Кентавры I	496
Кентавры II	496
Кентавры III	497
Кентавры IV	497
Дождь в августе	498
Открытка из Лиссабона	499
Бегство в Египет	500

Архитектура	500
В кафе	502
Элегия («Постоянство суть эволюция принципа помещенья...»)	503
На столетие Анны Ахматовой	503
Памяти отца: Австралия	504
«Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...»	504
Fin de siècle	505
Ландвер-Канал, Берлин	509
«Пчелы не улетели, всадник не ускакал. В кофейне...»	510
Доклад для симпозиума	511
Примечания папоротника	512
Памяти Геннадия Шмакова	513
Облака	515
«Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос...»	518
«Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере...»	519

ВЕРТУМН

«Однажды я тоже зимою приплыл сюда...»	519
«Вот я и снова под этим бесцветным небом...»	521
«Мир создан был из смешенья грязи, воды, огня...»	521
Лидо	522
«Взгляни на деревянный дом...»	523
Вертумн	524
«Неважно, что было вокруг, и неважно...»	531
Метель в Массачусетсе	532
Надпись на книге	533
Провинциальное	533
Ангел	534
Представление	534
«Ты не скажешь комару...»	540
Presepio	540

ВИД С ХОЛМА

Михаилу Барышникову	541
Цветы	542
«Я позабыл тебя, но помню штукатурку...»	543
«Наряду с отоплением, в каждом доме...»	545
Послесловие к басне	546
Подражание Горацию	546
«Подруга, дурня лицом, поселись в деревне...»	548
Вид с Холма	549
Пристань Фагердала	550
Семенов	551

Содержание

«Снаружи темнеет, верней — синеет, точней — чернеет...»	551
Ritratto di donna	552
Каппадокия	554
Колыбельная («Родила тебя в пустыне...»)	556

ПИСЬМО В ОАЗИС

У памятника А. С. Пушкину в Одессе	558
«Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»	561
Песня о Красном Свитере	561
Любовная песнь Иванова	562
«Что ты делаешь, птичка, на черной ветке...»	564
Дедал в Сицилии	564
В окрестностях Атлантиды	565
Посвящается Чехову	566
Письмо в оазис	567
Персидская стрела	568
Иския в октябре	568
Письмо в Академию	570
Памяти Клиффорда Брауна	571
«Голландия есть плоская страна...»	572
Итака	572
Пейзаж с наводнением	573
«Она надевает чулки, и наступает осень...»	573
Новая Англия	574
25. XII. 1993	575
Тритон	575
Ответ на анкету	581
Портрет трагедии	582
Из Еврипида. Пролог и хоры из трагедии «Медея»	585
Театральное	595
Храм Мельпомены	602
Приглашение к путешествию	603
«О если бы птицы пели и облака скучали...»	604
МСМХСІV	604
Из У. Х. Одена («Часы останови, забудь про телефон...»)	605
«Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...»	606
В разгар холодной войны	606
Византийское	607
Робинзонада	607
В следующий век	608
«После нас, разумеется, не потоп...»	609
Из Альберта Эйнштейна	609
«В воздухе — сильный мороз и хвоя...»	610
«Клоуны разрушают цирк. Слоны убежали в Индию...»	610

Содержание

«Осень — хорошее время года, если вы не ботаник...»	611
Посвящается Пиранези	612
Выступление в Сорбонне	614
Шеймусу Хини	615
К переговорам в Кабуле	616
Томас Транстрёмер за роялем	617
Остров Прочида	618
На возвращение весны	618
Воспоминание	619
Стакан с водой	620
На виа Фунари	620
Корнелию Долабелле	621
С натуры	622
Aege Perennius	623
Август	624
Бегство в Египет (2)	625
«Меня упрекали во всем, кроме погоды...»	625

МРАМОР	627
---------------	-----

ЭССЕ

МЕНЬШЕ ЕДИНИЦЫ. <i>Перевод В. Гольшьева</i>	691
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕРЕИМЕНОВАННОМУ ГОРОДУ <i>Авторизованный перевод Л. Лосева</i>	712
О ТИРАНИИ. <i>Авторизованный перевод Л. Лосева</i>	730
ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕНИ. <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	737
КАТАСТРОФЫ В ВОЗДУХЕ. <i>Перевод А. Сумеркина</i>	757
ТРОФЕЙНОЕ. <i>Авторизованный перевод А. Сумеркина</i>	785
СОСТОЯНИЕ, КОТОРОЕ МЫ НАЗЫВАЕМ ИЗГНАНИЕМ, ИЛИ ПОПУТНОГО РЕТРО. <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	802
ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНЬЕМ. Нобелевская лекция	813
КАК ЧИТАТЬ КНИГУ. <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	824
ПОХВАЛА СКУКЕ. <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	831
КОШАЧЬЕ «МЯУ». <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	839
Алфавитный указатель стихотворений	850

Бродский И.

Б 88 Малое собрание сочинений / Иосиф Бродский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 880 с.

ISBN 978-5-389-04515-6

Иосиф Бродский — один из крупнейших русских поэтов XX века, за свою недолгую по нынешним представлениям жизнь возвел огромное здание стихотворений, поэм, а также произведений особого, им созданного жанра — «больших стихотворений». Верный традициям русских классиков — Пушкина, Лермонтова, — Бродский стремительно расширял поле своей творческой работы. Он автор двух пьес — «Мрамор» и «Демократия» и нескольких десятков эссе, большинство из которых написаны на английском языке. В 1987 году Бродскому была присуждена Нобелевская премия по литературе «за многогранное творчество, отмеченное остротой мысли и глубокой поэтичностью».

В настоящий том избранных произведений Иосифа Бродского вошли поэтические сборники «Остановка в пустыне», «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи», «Новые стансы к Августе», «Урания» и «Пейзаж с наводнением», выпускавшиеся американским издательством «Ардис» с 1970 по 1996 год, а также пьеса «Мрамор» и эссе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Литературно-художественное издание

ИОСИФ БРОДСКИЙ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Соколова
Корректоры Ольга Крылова, Татьяна Бородулина,
Ксения Зобова, Людмила Ни
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 11.12.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMS-11161-11-R